

ЛЮЛЬКА

I

С Димой я познакомился, когда после окончания университета пришёл работать в научно-исследовательский институт. Дима был мой ровесник и тоже закончил вуз, но только другой, политехнический. Стоял тёплый август, мы начинали новую жизнь и уже готовились не стесняясь разбрасывать направо и налево смелые свежие идеи, на полуслове прерывая седовласых старших научных сотрудников своими едкими замечаниями, но... не тут-то было. Вместо того, чтобы отправить в лабораторию двигать науку, руководство института проводило нас на стройку достраивать один из институтских корпусов.

На стройке нам с Димой поручили заниматься обшивкой нового здания, – и, сидя в рабочей люльке на высоте, специальным пистолетом мы прилежно вбивали похожие на шляпочные грибы гвозди в жёсткую облицовку стены.

Мы сидели в люльке, по очереди вбивали гвозди и разговаривали. Дима явно был не чета мне: хоть и находились мы с ним в одном и том же месте, в подвешенном состоянии, но у него уже созрел вполне конкретный жизненный план насчёт того, как он будет опускаться на твёрдую землю, чтобы прочно встать на ноги. Дима говорил, что записался в молодёжную бригаду от Томского научного центра, осенью на год уйдёт из института и начнёт строить себе малосемейку в нашем Академгородке; тем более, скоро он женится, и беспечную люльку пора освобождать для их будущего ребёнка.

Решение Димы жениться меня не удивило, так как его девушку я уже видел, правда, только издалека. Иногда она приходила к нам на стройку, – и Дима с высоты из люльки махал ей рукой, а затем мы спускались на землю. Он шёл к девушке, а я садился на стройматериал и терпеливо его ждал, словно второй пилот своего командира.

На стройке мы проработали месяца два до самой осени, затем наши пути разошлись: Дима ушёл строить себе жильё, а я вернулся в институт. Только иногда, когда я проходил мимо ещё не достроенного третьего институтского корпуса, видел и нашу синюю рабочую люльку, одиноко болтающуюся у стены возле самой земли. Мне очень хотелось к ней подойти и её качнуть, с грустью вспомнив о бесшабашной работе на высоте... Даже не работе, а воздушных боях: ведь очень просто молодому человеку в своих фантазиях высотную люльку представить самолётом, пистолет для вбивания гвоздей пулемётом, а сами гвозди – пулями.

Вскоре уже сама Россия, словно высотная люлька, начала раскачиваться всё больше и больше – и все мы балансировали в ней как могли. И вот однажды, когда, сопротивляясь очередному крену, я спешил в один из находящихся в центре города полуподвалов по каким-то делам, связанным с перепродажей чего-то мехового, случайно встретился там с Димой.

Дима обрадовался нашей встрече, рассказал, что малосемейку построил, живёт в ней с женой, да к тому же открыл контору по продаже мебели. Затем он вдруг предложил мне стать коммерческим директором своей фирмы. «Если надумаешь, позвони вот по этому телефонному номеру», – заключил бывший командир люльки, протянув визитную карточку.

В течение нескольких дней я серьёзно размышлял над предложением Димы. Представлял, как я, одетый в костюм и шляпу, по пыльному складскому коридору прохожу между материальными досками шкафов и тумб, чтобы дать указание рабочим погрузить мебель в автофургон. Даже представил себя сидящим за конторским столом, уже в очках и сединах, просматривающим очередной прейскурант готовой мебельной продукции.

Наверное, такую возможность развития своей судьбы я тогда представил очень явственно и живо. Представил до такой степени реальности, что моя душа, по-видимому, решила, что будто бы она уже выполнила, сыграла в театре жизни роль коммерческого директора небольшой фирмы по продаже мебели, который в моих фантазиях успел прожить целую вечность, даже составить и порядком испортить зрение...

И разве, видя на мебельной фабрике множество шкафов, душа не подумала бы о том, что вот люди тоже, как и эти шкафы, рядом друг с другом стоят с сидящими в них именами, как шляпочные гвозди, в них богом вбитыми. И каждое имя-гвоздь шляпу свою со скрипом приподнимает, а выбраться не может – не хватает силы скрипа, чтобы на него внимание обратили и помогли гвоздю из досок шкафа выпрыгнуть!

Видимо, эту картину с сидящими в шкафах гвоздями я по молодости лет так ярко от делать нечего представил, что отпала надобность заниматься шкафами наяву, и мне не довелось поработать в Диминой коммерческой фирме. Наши с ним пути снова разошлись. Только однажды, идя по городу на автобусную остановку, я случайно видел, как Дима проезжал на легковой машине вместе с женой и собакой. Похоже, он уже прочно встал на ноги, а я всё ещё болтался в подвешенном состоянии, словно так и остался в той рабочей люльке, пытаясь забивать гвозди в небо, то есть заниматься наукой, и, закатив глаза вверх, старался отколоть от неба частицу, чтобы изучить её химический состав и написать научную статью.

Но очень трудно было отколоть от неба пусть даже совсем небольшой кусочек. Я думал над этой проблемой всё время, и однажды, когда лежал в темноте у себя в общежитской комнате и пытался заснуть, по привычке размышляя о том, как всё же умудриться и взять пункцию у небесного свода, вдруг почувствовал небольшой, но ощутимый удар по плечу.

В этой маленькой комнате, которую я снимал за довольно большие деньги, я жил один, двери заперты. В комнате, кроме меня, никого не было, и этот мягкий удар очень сильно испугал меня, так как его в тех обстоятельствах можно было расценивать не иначе как воздействием потусторонних сил.

В холодном поту и с бьющимся сердцем пружиной я выскочил из кровати, подбежал к стене, включил свет и, тут же найдя материальное объяснение случившемуся, в сердцах выругался.

Оказывается, от суррогата неба, от потолка, отвалился увесистый кусок бе-

лой штукатурки, точно попав в моё плечо. Вместо частицы неба я стал обладателем ничем не примечательного пахнущего известью строительного куска. Приходя от неожиданного потрясения в себя, вскипятив и налив в чашку чай, ночью я пил его и размышлял, полусогнутым гвоздём сидя в шкафу безвестности за квадратным столом.

Восседая на стуле, я вспоминал Диму, завидовал ему и очень на себя злился. Да что же это такое, думалось мне, почему я так мало забочусь о своём будущем? В конце концов, я же не птица небесная, зачем смотрю в небо и не лучше ли к земле оборотиться. Не лучше ли себя в землю зарыть и жизнь свою строить, слившись с делом реальным, хотя бы так же, как Дима, – от земли доски отрывая, крепкие шкафы ставить.

Я завидовал Диме и очень хотел тоже построить дом, обзавестись семьёй и больше не вспоминать о небе. Хотел свой мозг в землю закопать и, решая сугубо материальные проблемы, мыслить её корнями и комьями, да, может быть, ещё случайно попавшимся лежащим в земле кладом, содержащим в себе прорывную идею к финансовому успеху и благополучию.

Но зарыться в землю было выше моих сил, так как мысли о небе, словно птицы, успели свить прочное гнездо в моей голове. Я продолжал ходить на работу в институт, наверное, надеясь на чудо. Надеюсь, что когда-нибудь мне всё-таки удастся взять пункцию у тверди небесной, раскрыть тайну её появления и выяснить, сколько она ещё может над нами провисеть, не растрескаться и не рухнуть под натиском потустороннего звёздного мира с его чёрными дырами, красными и белыми карликами и прочей вселенской нечистью.

II

Прошло ещё года полтора времени, и вот однажды, когда жарким летом перед отпуском я шёл по Академгородку, меня вдруг кто-то окликнул. Я пошёл к позвавшему меня человеку и не сразу его узнал. Но, присмотревшись внимательно, понял – передо мной стоит Дима. Тут же я отметил некоторую перемену в нём. Казалось, сидящий в шкафу его тела гвоздь-душа начал чувствовать себя более свободно и, потеряв прочную связь со шкафом, стал понемногу от плоти досок отходить и даже чуть приподниматься над телом, как это бывает с пьяным человеком, когда тот не в состоянии скоординировать свои действия.

Дима был в джинсовом костюме и джинсовой шапочке (хоть погода стояла солнечная и жаркая) и почему-то походил на присмирившую тихоню, не по погоде одетого маменькиного сыночка.

– Привет, не узнал? – как-то нерадостно спросил он меня.

– Почему не узнал, привет! – ответил я и поправил свои тёмные солнцезащитные очки, напоминающие надетую на глаза чёрную повязку.

Рядом с Димой стояла небольшого роста немолодая женщина, оказавшаяся его мамой.

– Инсульт у меня был, – вдруг сказал Дима. – Ни с того ни с сего потерял сознание, очнулся уже в больнице. Оказался врождённый дефект сосуда головного мозга, год в больнице пролежал. Чего только врачи не делали, весь позвоночник издолбили, пункцию брали: наверное, смотрели – сможет мой

хребет потянуть эту болезнь или сломается. Теперь вот на инвалидности.

– Ничего, ничего, – нарочито громко, словно утешая саму себя, перебивая Диму, говорила его мать. – Сейчас поедешь на свою родину, домой, в Белово, там у нас свой огород – откормим, наберёшься сил. Ничего, всё хорошо будет!

В женщине чувствовался некоторый надрыв, даже растерянность от всего произошедшего с её сыном. Ей казалось – солнечные лучи очень тяжелы и просто бьют сына по голове своим мощным жаром. Хоть на Диме и была надета панамка, его мать очень беспокоилась, невольно представляя себе картину, как сосуды в мозгу сына, словно тонкие, хрупкие трубки, под действием солнечных лучей нагреваются и лопаются, как воздушные шары, держащие люльку-корзину с человеческой жизнью над пучиной тёмного моря смерти.

Мы с Димой поговорили более откровенно в тот момент, когда его мама зашла в магазин за покупками. Он рассказал, что после всего случившегося от него ушла жена и забрала сына. Но мать нашла ему другую девушку. Недавно они с ней поженились – и скоро уже надо будет готовить колыбельную люльку для новой жизни, символизирующую то, что в конечном итоге всё будет хорошо. И поэтому вновь он сможет открыть мебельную фирму, а со временем и автосалон, так как бывшая жена их автомобиль продала в тот момент, когда он лежал после операции, мотаясь между небом и землёй. Он мотался и не знал, где останется его душа – на небе в виденных им там чистых и светлых мирах или вернётся на грешную землю, чтобы вновь попытаться прочно встать на ноги, как Дима уже это сделал однажды, когда из нашей рабочей люльки спрыгнул вниз на твёрдую землю.

Вскоре из магазина вышла мама Димы. Под конец нашей встречи они попросили меня найти ему какую-нибудь лёгкую работу в нашем институте, так как пенсия по инвалидности совсем маленькая. Поэтому хорошо бы к пенсии ещё небольшую зарплату инженера добавить, чтобы образовалось если не мощное большое солнце достойного золотого оклада, то хотя бы его отголосок – луна, позолоченный оклад, в который не стыдно обрамить жизнь своей семьи.

– Помогите, помогите нам, пожалуйста, – вторила в такт своему сыну мама Димы. – Может, подыщете ему что-нибудь податливое, хотя бы на время, пока он окончательно не окрепнет и не сможет смело противостоять солнечным лучам.

Было видно, в молодости она адела красотой. Сейчас же её красота выцвела, словно от солнечных лучей рисунок на ткани поблёкнул и уже никого не радует, но старается во что бы то ни стало спасти своего сына и найти ему новый узор, новую жену взамен утерянной бывшей, сбежавшей от него к человеку с крепкими сосудами головного мозга.

В завершение нашей встречи, когда мы рукопожатием прощались с Димой, женщина продиктовала их домашний телефон и записала мой рабочий, чтобы можно было нам связаться друг с другом, если вдруг мне удастся подыскать для Димы лёгкую работу.

Как и обещал, я переговорил с начальником лаборатории по поводу трудоустройства Димы к нам на работу хотя бы на должность лаборанта или техника с интеллигентной денежной бородкой небольшого оклада. Начальник сказал,

что подумает. Однажды Дима звонил мне, но я ничем не мог Диму обрадовать, сказав, что надо подождать, и если дело сдвинется с мёртвой точки, тут же ему сообщу. Но, видимо, эта точка была действительно мёртвой, и я не смог помочь Диме, поэтому не перезвонил ему и, всецело погрузившись в сансару быта, продолжал жить, даже не вспоминая о нём всё это время. И только иногда солнечные лучи напоминали мне о Диминой голове...

Томские писатели сердечно поздравляют Олега Валентиновича Лапина с 60-летием и желают ему здоровья и творческих успехов.